

Тува вчера, сегодня, завтра

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТУВИНЦЕВ. ИСТОРИЯ ВОПРОСА

З. В. Анайбан, М. Х. Маннай-оол

Аннотация: В работе дается историографический обзор научной литературы по вопросам происхождения и этнической истории тувинцев. Рассматриваются опубликованные труды исследователей дореволюционных, советского и постсоветского времени.

Ключевые слова: этногенез, этническая история, Тува, тувинцы, урянхайцы, сойоты, племя, тюркская группа.

Вопросы этногенеза современных тувинцев издавна привлекали внимание научное сообщество. Эта проблема нашла отражение в работах как дореволюционных отечественных и иностранных ученых-путешественников, так и современных исследователей. Сложность этой проблемы заключается в том, что ее исследование основано на комплексном привлечении самых различных источников из многих научных дисциплин: истории, археологии, этнографии, антропологии, фольклористики, языкознания.

Тувинцы — титульный этнос Республики Тыва (Тува), расположенной в геофизическом центре Азиатского материка — в верхнем бассейне великой сибирской реки Енисей и имеющей общую площадь около 175,5 тыс. км. По результатам Всероссийской переписи 2002 г. численность на-

---

Анайбан Зоя Васильевна - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Востока Института востоковедения РАН.

Маннай-оол Монгуш Хургул-оолович - кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории, этнографии и археологии Тувинского института гуманитарных исследований.

селения Тувы составляла 305510 человек, в т. ч. доля тувинцев в общей численности насчитывала более двух третей (77%), русских, второй по численности этнической группы республики — 20,1%, представителей других национальностей — 2,9%. По данным Федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва, на начало 2010 г. численность тувинцев в республике заметно возросла и уже достигла 82%, тогда как доля русских и иных этнических групп несколько сократилась — 16,3% и 1,7% соответственно (Социально-экономическое положение Республики Тыва..., 2012: 62). Кроме того, в настоящее время небольшая часть этнических тувинцев проживает в других регионах Российской Федерации, в частности в Красноярском крае (с. Верхнеусинск) и в нескольких ее крупных городах (например, Москва, Санкт-Петербург), а также в Монголии, Китае (Синь-Цзянь — Уйгурский автономный район).

Тувинцы — один из древнейших тюркоязычных народов, населяющих Центральную Азию и Саяно-Алтайское нагорье. Современное название тувинского народа «тыва», «тыва кижы» упоминается в летописях Суйской (581–618 гг.) и Танской (618–907 гг.) династий Китая в форме дубо, тубо и тупо применительно к некоторым племенам, обитавшим в верховьях Енисея и районе озера Хубсугола (История Тувы, 1964: 7). О ближайших исторических предках современных тувинцев «чиках и азах» — есть сведения в рунических памятниках древнетюркского рунического письма (VII–XII вв.). В монгольских, арабо-персидских источниках XIII–XIV вв. также имеются сведения о Туве и ее жителях.

По антропологическому типу тувинцы относятся к монголоидному центральноазиатскому типу североазиатской расы. Восточные тувинцы — тоджинцы — представляют особый тип с примесью центральноазиатского компонента. Специалисты считают, что тувинский язык в качестве самостоятельного языка сформировался к началу X в. Вместе с тем, и сегодня в нем отмечается специфика отдельных лингвистических групп. В частности, в тувинском языке имеются четыре диалекта: западный, северо-восточный, центральный и юго-восточный (Бичелдей, 2001).

Расположение территории Тувы в географическом центре Азиатского материка накладывало отпечаток на ее отношения с жителями соседних и близлежащих регионов. В частности, она была периферией мощной державы воинственных хунну (II в. до н. э. — I в. н. э.), входила в состав раннесредневековых суперэтнополитических государств: Древнетюркского (VI–VIII вв.), Уйгурского (VIII–IX вв.), Древнекыргызского

(IX–XII вв.) каганатов и Монгольской империи чингизидов (XIII–XIV вв.) Центральной Азии.

Эти мощные раннефеодальные государства играли выдающуюся роль в истории кочевой цивилизации и этнополитической ситуации Центральной Азии и Саяно-Алтайского региона. Не менее важное значение имело Великое переселение народов: хунну, тюрков, монголов из глубинных степей Центральной Азии в Европу. Под влиянием этих исторических событий происходили глубокие социально-экономические, этнокультурные процессы в Саяно-Алтайском регионе, в том числе на территории современной Тувы. Они оказали определенное воздействие на консолидацию тувинских племен и, в конечном счете, на их формирование в единый этнос. Следует особо заметить, что преобладание в антропологическом типе местных жителей монголоидных черт исследователи связывают именно с периодом вторжения в Туву III в. до н. э. воинственных центральноазиатских племен, родственных гуннам (хунну), которые постепенно смешавшись с местным населением, повлияли не только на язык, но и внешний облик последних.

По мнению ученых-тувиноведов, в конце XIII–XIV вв. этнический состав населения Тувы уже включал в основном те группы, которые приняли участие в формировании тувинского народа — потомков тюрков-тугю, уйгуров, кыргызов, монголов, а также самодийские и кетоязычные племена (Тюркские народы Восточной Сибири, 2008: 23).

В XVI–XVII вв. племена Тувы вошли в центральноазиатское государство Алтынханов. С середины XVIII в. маньчжурская (цинская) династия Китая подчинила и население Тувы, которая была разделена на несколько основных административных единиц — хошунов (районов). Ими управляли тувинские наследственные «князья» — нойоны. Тувинцы входили также в состав ряда других небольших хошунов, управляемых монгольскими князьями, как в самой Туве, так и на территории Монголии, включая Монгольский Алтай. Каждый хошун делился на более мелкие административные единицы — сумоны, а те в свою очередь — на арбаны (десятидворки) (История Тувы, 2001: 218). К началу XX в. на территории Тувы было девять хошунов.

Единое административное управление Тувы в немалой степени способствовало консолидации тувинцев в единую народность, формированию общеэтнического самосознания и самоназвания. Именно в эпоху пребывания племен Тувы в составе маньчжурского Китая в конце XVIII–

XIX в. завершилось формирование тувинского этноса. Одним из важных факторов этого процесса было установление административного деления, основанного главным образом не на родовом, а на территориальном принципе, что способствовало стиранию племенных различий. Субэтническую группу в составе тувинцев составляли жители Саян — восточные тувинцы-тоджинцы (Вайнштейн, 1961). Общее этническое самоназвание тувинцев «тыва-кижи» окончательно сложилось к началу XIX в. в процессе консолидации в единый этнос.

В 1911–1913 гг. в Китае произошла Синьхайская революция, в результате которой была свергнута маньчжурская династия Цинь. После этого в Туве начались массовые выступления против китайской администрации и иноземных предпринимателей. В это же время для царской России Тува становится объектом колонизации и хозяйственного освоения. Правительство России, опираясь на переселившихся во второй половине XIX в. русских крестьян и промышленников, стремится подчинить ее российским интересам. В итоге, 18 апреля 1914 г. был подписан правительственный указ о принятии Урянхайского края (прежнее название Тувы) под протекторат России (История Тувы, 2007: 11–12).

Поскольку, как известно, изученность той или иной проблемы в значительной степени зависит от наличия и состояния источников, необходимо отдельно сказать об источниковой базе, используемой в разное время специалистами для исследования проблем этногенеза тувинцев. В этом ряду, прежде всего, следует назвать материалы археологических раскопок. И, как отмечает в своем недавно изданном труде известный российский этнолог С. А. Арутюнов, «для отдаленных от нас во времени эпох, по которым мы не можем располагать никакими прямыми лингвистическими свидетельствами, археологический материал, наряду с палеоантропологическим, остается единственным источником для реконструкции этнической истории населения определенного региона в древности» (Арутюнов, 2012: 53–54). Применительно к названному региону эти источники особенно ценны, поскольку, как известно, тувинцы до недавнего времени не имели не только письменной истории, историографии, но собственной письменности. Хотя их предки использовали древнетюркское руническое письмо (VII–XII вв.), а затем — старомонгольскую письменность. На территории Тувы изучение этих памятников началось еще в 20-х гг. XX в.

К используемым ранним письменным источникам относятся китайские династийные хроники. Большой интерес эти источники представля-

ют в свете изучения этногенетических проблем в период раннего средневековья, т. е. в период господства в Центральной Азии и Южной Сибири воинственных хунну, тюрков-тюю, уйгуров и кыргызов.

Исключительно важное источниковедческое значение для решения проблем этногенеза имеют памятники древнетюркского рунического письма. В них, в частности, встречаются этнонимы и географические названия, являющиеся очень ценным источником для изучения этнического состава, мест обитания и расселения местных племен, входивших в состав Древнетюркского, Уйгурского и Древнекыргызского каганатов. Тува по численности обнаруженных каменных стел с енисейскими руническими надписями занимает одно из первых мест в мире. Здесь найдено более 100 памятников этой письменности.

Важные сведения о тувинских племенах и этнических группах в период господства Чингизхана и его преемников содержат историческая хроника «Сокровенное сказание монголов», «Сборник летописей» выдающегося персидского историка Рашид-ад-Дина и других арабо-персидских и западноевропейских авторов.

Следующую группу письменных источников составляют свидетельства путешественников (отчеты, письма, путевые заметки), а также разного рода сообщения очевидцев, затрагивающие те или иные аспекты этногенеза и этнической истории тувинцев.

В XVIII в. появились первые работы отечественных ученых, в которых специально или попутно рассматривались вопросы про-исхождения тувинцев. Они положили начало так называемой «миграционной теории», согласно которой тувинцы рассматривались лишь как простое ответвление самодийских племен. Среди них следует отметить, прежде всего, труды академика П. С. Палласа, по мнению которого, тувинцы — «остатки самоедов, вытесненных со своих старых мест обитания» (Паллас, 1788: 523–524).

Русский этнограф и натуралист И. Г. Георги тоже сообщает о «племенах саят иначе называемых также суйотами или сойотами», и относит их к самодийцам, что якобы «доказывается их видом, языком и житейскими обычаями» (Георги, 1779: 15). Следует отметить, что данная концепция, высказанная авторитетнейшими учеными, — об этническом родстве тувинцев с самоедами и самодийском этническом компоненте как главной составляющей в этногенезе тувинского народа — в научной среде конца XVIII в. получило широкую поддержку и на протяжении длительного времени не вызывало особых дискуссий.

В 1847 г. в Туве удалось побывать А. М. Кастрену — финскому ученому-языковеду с мировым именем, внесшим большой вклад в финно-угроведение, в изучение самодийских, монгольских, тюркских и палеоазиатских языков. Факты и материалы для своих исследований он черпал не из книг, а добывал в трудных и долгих путешествиях, совершавших по заданию и на средства Петербургской Академии наук (см.: Муравьев, 1961: 56). А. М. Кастрен собрал богатый материал по языкам народов Западной Сибири и считал, что все они так или иначе связаны с самодийской средой. В своих исследованиях он писал, что сойоты действительно говорили на том же наречии, что и минусинские татары-хакасы, но в их языке остались следы, свидетельствующие о том, что часть сойотских племен, несомненно, «самоедского происхождения» (Кастрен, 1860: 402).

Исследователи XIX — начала XX в., особенно те, которые побывали в Туве, ближе подошли к решению отдельных вопросов этногенеза тувинцев. Так, исследователь древностей Сибири Г. И. Спасский впервые правильно определил принадлежность тувинцев к тюркоязычным народам на основании записанных им свидетельств тувинцев на Саянах (Спасский, 1820: 146).

Выдающийся тюрколог академик В. В. Радлов после посещения в 1861 г. Западной Тувы пришел к заключению, что тувинцы «говорят на турецком (т. е. тюркском. — З. А., М. М.) языке», а по происхождению они «представляют смешанную из киргизов, самоедов и енисейских остяков народность» (Радлов, 1907: 14) Кстати сказать, о нелегком труде ученого-исследователя того времени, о трудностях и невзгодах, которые приходилось им преодолевать в процессе сбора полевого материала, красноречиво свидетельствует текст, опубликованный В. В. Радловым в предисловии его монументального труда, посвященном изучению наречий тюркских племен. В частности, он пишет: «Эти тексты, несмотря на их несовершенство, важны в лингвистическом отношении, так как по саянским языкам, сколько мне известно, до сих пор подобных образцов никогда еще издано не было. Собрание этих немногих образцов стоило мне без того уже довольно труда, так как я для этого должен был совершать продолжительные поездки верхом по пустой бездорожной тайге» (Радлов, 1866: 14).

Важные наблюдения и сведения о родоплеменном составе тувинцев имеются в трудах известного географа и путешественника Г. И. Потанина, посетившего Туву в 1876–1879 гг. и высказавшего предположение о том, что тувинцы — «потомки древних уйгуров» (Потанин, 1883: 13). Он также считал, что некоторые монгольские группы являются омонголившимися

тюрками. Так, в своей монографии «Очерки Северо-Западной Монголии» он отмечает: «В средней части Монгольского Алтая находится Халхасский хошун Тачжи-Урянхай, теперь это настоящие монголы, но имя хошуна вполне совпадает с именем урянхайского поколения Тачжи-Урянхай. Не было ли то тюркское поколение, впоследствии омонголившееся, но удержавшее свое имя?» (там же: 654). Потанин также считал, что «дархаты, по-видимому, не что иное, как омонголившиеся урянхайцы, таких же омонголившихся тюрков можно принять и население пяти хошунов Западной Монголии» (там же: 653). Кроме того, в этой же работе в разделе «Урянхайцы» он описал не только общественный, семейный и религиозный быт, но и дал новые данные об административно-племенном разделении урянхайцев, выявил названия отдельных родов (там же: 10–13).

Не утратила своего источниковедческого значения по выяснению этнического состава тюркоязычных народов (в том числе тувинцев) работа востоковеда-тюрколога И. Л. Аристова (Аристов, 1896). В ходе исследования он приходит к выводу, что в формировании этнического состава тувинцев приняли участие турки-тюкю, в лице телесов и кыргызов. И далее замечает, что «принимая в свой состав многие примеси, урянхайцы должны были и со своей стороны участвовать в составе других народов. Несомненно участие их в образовании западных монголов, в котором они играли роль в числе других лесных племен (там же: 348). Он также заключает, что «урянхай так называются монголами, сами же зовут себя туба или тува, как отуреченные самоеды северных склонов Алтая и Саянского хребта; именуют их также сойотами, соитами, сойонами (там же: 347). Недостатком этой работы следует считать недооценку комплексных источников и изучение этнического состава тех или иных племен, народностей преимущественно на основе данных этнонимии.

Французский географ Ж. Ж. Э. Реклю, участник Парижской коммуны, в многотомном труде «Земля и люди. Всеобщая география» разделяет тувинцев на сойотов, урианхов (урянхайцев. — *З. А., М. М.*) и сойонов. По его мнению, сойоты «говорят диалектом, близко подходящим к наречию самоедов» и «представляют помесь финской расы с тюркской», урианхи «считаются принадлежащими к тюркской расе, и они имеют тюркский тип лица, и большинство их говорит татарским наречием», а сойоны — «другой тюркский народ, отличный от урианхов и дархатов, но более или менее смешанный с киргизами» (Реклю, 1898: 676). Этот ученый, не посетивший Туву, вероятно, использовавший компилятивные источники, ошибочно разделял тувинцев на сойонов, сойотов, урианхов. Известно,

что сойотами и урянхайцами ошибочно называли тувинцев монголы, а вслед за ними китайцы и русские. Ни финской, ни тюркской расы не существует. Реклю, говоря об этих расах, вероятно, имел в виду тюркские и финские этносы.

В «Сибирском торгово-промышленном и справочном календаре на 1899 год» также затрагивался вопрос о происхождении тувинцев. В нем они отмечались как «остатки некогда многочисленного племени, не раз упоминаемого китайскими историками под названием туба, а именно: сойоны или сойоты. Все говорят тюркским языком» (Сибирский торгово-промышленный..., 1899: 362).

В Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона поставлен вопрос о происхождении «населения верхнего бассейна Енисея (тувинцев. — З. А., М. М.) в пределах Сибири и Китая», которое якобы «состоит из монголов, финнов и тюрков, представляющих разнообразное смешение племен...» (Энциклопедический словарь..., 1900: 718).

В 1889 г. с исследовательской целью Туву посетил тюрколог Н.Ф.Катанов. Специально занимавшийся изучением тувинского языка, он не согласился с лингвистическими выводами М. Л. Кастрена. «Сравнивая урянхайские слова своего собрания, — писал он, — с самоедскими словами, собранными М. Л. Кастреном ... не нашел я сходства урянхайского языка с самоедским в лексическом отношении. Большая часть урянхайских слов, совпадающих с самоедскими, в частности, со словами камаринского наречия самоедского языка, оказались тюркского происхождения или монгольского, но не самоедского» (Катанов, 1903: 17). Н. Ф. Катанов впервые на основе данных лингвистики научно доказал, что «тувинцы в основном говорят на одном и том же языке с самыми слабыми отклонениями, вполне по-тюркски, а не по-самоедски и не по-остяцки» (там же: 17). Исходя из опыта своих исследований, он делает вывод, что фонетика и морфология тувинского языка всецело тюркские (там же: 18). Касаясь вопроса о происхождении тувинцев, Н. Ф. Катанов констатирует, что «они составились из элементов тюркских, монгольских и самоедских и известны были под именем дубо в древнее время» (там же: 3). В то же время он подчеркивает важную роль уйгуров, которые те сыграли в происхождении тувинцев. Существующие в этот период на сей счет разные точки зрения, исследователь объясняет тем, что «на основании того, что в XVII в. русские в южной части Енисейской губернии сталкивались более всего с финскими племенами, некоторые ученые убежденно говорят, что нынешние сойоты

по происхождению своему остяки или самоеды» (там же: 3).

В 1897 г. впервые антропологическим типом тувинцев заинтересовались И. П. Слинич и К. И. Горошенко. Если в распоряжении первого было всего 11 черепов тувинцев, то второй исследовал 92, из них 20 женских. Однако их выводы, построенные на основании далеко не достаточных данных, оказались поспешными (Слинич, 1901: 70; Горошенко, 1901: 72). В 1907 г. антропологические типы тувинцев изучал А. А. Ивановский, который на основании материалов К. И. Горошенко впервые правильно отнес их к монголоидной расе.

В 1897 г. Восточную Туву посетил этнограф П. Е. Островских, который собрал обширные этнографические и антропологические материалы, проливающие свет на этногенез тувинцев-тоджинцев (Островских, 1897, 1898, 1899). К сожалению, в большинстве своем его материалы не были изданы, опубликованы лишь краткие отчеты об экспедиции и статьи. В появившейся в 1899 г. в «Известиях Русского географического общества» статье, посвященной обоснованию русской колонизации и развитию торговли в Урянхайском крае, автор дает в том числе ценные сведения о численности населения Тоджинского хошуна, включая численность взрослых и детей (Островских, 1899: 340).

Этнографические данные о тюркоязычных народах долины Енисея содержатся в сводном труде русского революционера Е. К. Яковлева. Следует пояснить, что самому Е. К. Яковлеву так и не удалось побывать в Туве, так как, являясь политическим заключенным, он не имел возможности выехать за пределы России. Вместе с тем, данное обстоятельство ни в коей мере не умаляет ценности и значения его трудов: он собрал важные материалы по материальной культуре тувинцев и их общественному быту (Яковлев, 1900).

В 1901 г. Восточный отдел РГО обратился к Ф. Кону, также политическому ссыльному, осуществить этнографическую экспедицию в Сойотию (Туву). Основной задачей данной экспедиции было изучение истории, культуры и быта местного населения. В опубликованной в 1934 г. книге Ф.Кона получили всестороннее освещение разные стороны материальной и духовной культуры жителей Тувы: занятия, (скотоводство, охота и рыболовство, земледелие, ремесла), жилище, одежда, пища, брак и семья, верования, народные празднества и т. д. В работе специальный раздел посвящен также исследованию тувинского рода (клана). Так, в ходе исследования он резюмирует, что «вся Урянхайская земля в административном отно-

шении делится на девять хошунов. Хошун подразделяется на четыре рода (клана) — «сумо». В свою очередь «сумо» делится на «кости» — «сююк» (Кон, 1934: 143–144). Безусловно, Ф. Кон является одним из видных дореволюционных исследователей этнографии и этногенеза тувинцев.

Исследователь древностей Сибири И.Т.Савенков на основании сравнительно-этнографического изучения эволюции шахматной игры пытался выяснить вопросы происхождения и направления передвижений народностей, их родства, культурных и этнических сношений. Такой односторонний подход к этногенетическим вопросам привел к тому, что тувинцы, по его мнению, в равной степени сформировались за счет смешения самых разных племен (Савенков, 1905).

История этнографического изучения тувинцев в начале XX в. отмечена, кроме всего прочего, проявлением интереса к этой теме европейских ученых. В частности, вопроса происхождения тувинцев касался английский путешественник Д. Каррутерс, посетивший Туву в 1910 г. Он пессимистически предсказывал будущее тувинцев, как «угасающих племен верхнего бассейна Енисея» и со свойственной ему амбициозностью заявлял, что они представляют «... из себя потомков нации, образовавшейся путем смешения аборигенов территорий, прилегающих к реке Енисею, с древними тюркскими и угорскими племенами, на которых сильное влияние оказали, в свою очередь, монголы» (Каррутерс, 1919: 198).

Далее следует сказать о фундаментальном труде известного путешественника и исследователя Центральной Азии Г. Е. Грумм-Гржимайло «Западная Монголия и Урянхайский край», издание которого было завершено в 1930 г. Несмотря на некоторые общеметодологические недостатки, работа Г. Н. Грумм-Гржимайло, написанная на основе изучения колоссального количества разнообразных источников (письменных, археологических, антропологических, этнографических), представляет большой интерес. Фактически это была первая обобщающая работа, посвященная истории и этнографии тувинского народа. Рассматривая проблему происхождения тувинцев, Г. Н. Грумм-Гржимайло отмечает сложный этнический состав этого народа, в который входят тюркские, самодийские, монгольские, кетские этнические компоненты. В антропологическом отношении он сближает тувинцев с монголами. В предисловии названной книги, говоря о важности подобных научных изысканий и наибольшей достоверности полученных материалов, автор особо подчеркивает, что «этнографические исследования от исследователя, помимо

знания языка изучаемой им народности и соответствующей подготовки, требуют стационарной работы среди нее и продолжительности пребывания» (Грумм-Гржимайло, 1926: 1).

Таким образом, дореволюционные исследователи придерживались самых различных точек зрения на проблему происхождения тувинцев, однако в целом их трудах содержатся ценные сведения по тем или иным вопросам этногенеза и этнического состава тувинцев. Эти ученые, естественно, располагали только отрывочными сведениями и не были вооружены основополагающими научными методами исследования. Многие из них были представителями различных наук и по этой причине зачастую лишь попутно затрагивали проблему происхождения и этнической истории того или иного сибирского народа. Вместе с тем, важность и значимость трудов дореволюционных исследователей, внесших не только существенный вклад в изучение проблем этногенеза тувинцев, но и всей этнической истории Тувы, не вызывает сомнений.

Современное изучение истории и этногенеза тувинцев началось в период существования Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.) и продолжалось после вхождения Тувы в состав СССР с дальнейшим развитием исторической науки и накоплением новых материалов.

В числе первых советских экспедиций, проводивших исследования в Тувинской Народной Республике, была Комплексная этнографо-антропологическая экспедиция под руководством известного советского антрополога, профессора В. В. Бунака (1926 г.). Антропологический отряд этой экспедиции в составе антропологов А. И. Ярхо и В. И. Белкиной работал в Дзун-Хемчикском и Барун-Хемчикском районах и обследовал 124 чел. Группа в составе аспиранта Института антропологии М. Г. Левина и художницы О.Ф.Амосовой занималась этнографическими исследованиями в Тодже. Участниками этой экспедиции собраны ценные этнографические и археологические данные, имеющие прямое отношение к этногенезу тувинцев.

Антропологическими исследованиями установлено, что западные тувинцы в наиболее ярко выраженной форме — представители центрально-азиатского типа (Ярхо, 1929: 130). Однако краниологические исследования крупного советского антрополога Г. Ф. Дебеца показали, что западные тувинцы отличаются от центральных, среди которых преобладают южно-сибирские типы (Дебец, 1929: 36).

Важное значение для определения численности и этнического состава населения Тувы и состояния ее экономики имели материалы сельско-

хозяйственной и демографической переписи 1931 г., проведенные при непосредственном участии ученых.

Углубленная и систематическая разработка проблем этногенеза и истории тувинского народа началась после вхождения Тувы в состав СССР (1944 г.). В этих исследованиях участвуют ученые как ведущих научных центральных учреждений — Института этнографии АН СССР (в настоящее время Институт этнологии и антропологии РАН), Государственного музея этнографии народов СССР (в настоящее время Российский этнографический музей), так и местных — Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (в настоящее время Тувинский институт гуманитарных исследований), Национального музея им. Алдан Маадыр Республики Тыва. На сегодняшний день благодаря научным изысканиям нескольких поколений отечественных исследователей по названной проблематике накоплен богатый и разнообразный материал.

В статье «К антропологии Южной Сибири» М. Л. Левин на основании новых материалов, «вопреки предположению Г. Ф. Дебеца об отличии центральных тувинцев от западных и преобладании среди них южносибирского типа» (Левин, 1952: 26), приходит к выводу, что тувинцы центральных и западных районов составляют один центрально-азиатский тип. Согласно его точке зрения, «центральные тувинцы не обнаруживают сдвига в сторону южносибирского типа и антропологически они не отличаются от западных тувинцев» (там же). Что касается восточных тувинцев, то тоджинцы-оленоводы сближаются с представителями байкальского антропологического типа (эвенками, эвенами), а тоджинцы-скотоводы (кол-сумон) по антропологическому типу занимают промежуточное положение между тоджинцами-оленоводами и тувинцами западных и центральных районов (там же: 25). В 1956 г. Г. Ф. Дебеч, пересматривая свои сделанные ранее выводы об антропологическом отличии западных и центральных тувинцев, отнес тувинцев-тоджинцев к саянскому типу (т. е. байкальскому, по М. Г. Левину), а тувинцев остальных районов Тувы — к центрально-азиатскому (Дебеч, 1960).

Ценные сведения о тувинских племенах, их расселении и этнонимах содержатся в капитальном труде В. И. Дулова. Особое место в работе уделено пережиткам родового строя и общественным отношениям у тувинцев в XIX — начале XX в. (Дулов, 1956).

О возросшем интересе в 1950-е годы к названной проблеме со стороны научного сообщества свидетельствует, в частности, и тот факт, что

вопрос о происхождении тувинцев впервые был поставлен «на повестку дня» и стал основной темой работы секции этнической истории и этнической географии Всесоюзного этнографического совещания в г. Ленинграде (1956 г.).

Проблемами этногенеза и этнической истории тувинцев занимался известный этнограф-тюрколог Л. П. Потапов. В разделе «Тувинцы» книги «Народы Сибири» он указывает на смешанное происхождение тувинцев, включивших в свой состав тюркские, частично монгольские, самодийские и кетские компоненты. И заключает, что «этнический состав тувинцев довольно сложный» (Народы Сибири, 1956: 420). Этнический состав тувинских племен и ряд проблем, связанных с этногенезом тувинцев, нашли свое отражение и в последующих работах этого автора. Так, например, в 1969 г. вышла в свет его монография, посвященная народному быту тувинцев, в которой, наряду с основной темой исследования, получили освещение и некоторые аспекты этнической истории Тувы (Потапов, 1969). В целом же в работах этого исследователя вопросы этногенеза тувинцев рассматриваются лишь попутно, как правило, в связи с проблемами происхождения хакасов и алтайцев.

Большое место в разработке вопросов этногенеза тувинцев занимают труды С. И. Вайнштейна. В 1957–1958 гг. он опубликовал ряд статей. Среди них «Очерк этногенеза тувинцев» — по существу, это первое специальное исследование, рассматривающее этногенез тувинского народа. На протяжении нескольких десятилетий им были организованы этнографические экспедиции практически во все районы Тувы и скрупулезно исследованы разные группы тувинцев, включая тувинцев-тоджинцев (Вайнштейн, 1972; 1980; 1991). Собранные автором в процессе полевых исследований материалы и тщательный их анализ, позволяют автору утверждать, что «традиционная концепция о самодийской основе в этногенезе тувинцев не подтверждается (Вайнштейн, 1957: 214).

Исследователь приходит к выводу, что «в основе этногенеза степных народов, составляющих подавляющее большинство тувинского народа, лежат древние тюркоязычные племена Центральной Азии... и тюркизированные или монголоязычные группы», а «в этногенезе тоджинцев наряду с тюркоязычными группами большую роль сыграли самоедские группы» (Вайнштейн, 1961: 20). Таким образом, С. И. Вайнштейн четко разграничил этногенез тувинцев степных районов, составляющих большинство тувинского народа, от этногенеза тувинцев таежной части. Даль-

нейшие исследования обобщены в первой части его докторской диссертации «Происхождение и историческая этнография тувинцев» (1970 г.). В этом труде сделанный ранее вывод в отношении тувинцев степных районов остается неизменным, а в происхождении восточных тувинцев, как он пишет, «наряду с тюркоязычными племенами, важную роль сыграли самодийские, в меньшей мере кетские и монгольские, а на раннем этапе, вероятно, и тунгусские компоненты» (Вайнштейн, 1970: 21). Исследуя этническую историю тувинцев, он приходит к выводу, что «длительный процесс сложения тувинского народа завершился в конце XVIII — первой половине XIX в.» (Вайнштейн, 1957: 214).

Проблема этногенеза и этнической истории тувинского народа нашли свое отражение в ряде публикаций тувинского историка-археолога М.Х.Маннай-оола (Маннай-оол, 1970а; 1970б; 1970в; 1975; Маннай-оол, Татаринцева, 1976). В этом ряду следует назвать его монографию «Тувинцы. Происхождение и формирование этноса», изданную в 2004 г. (Маннай-оол, 2004). Она представляет собой первый опыт целостного монографического исследования истории формирования и становления тувинского этноса, начиная с его истоков — с так называемого скифского времени (VIII—III вв. до н. э.) — важнейшего историко-культурного периода в истории народов Евразии, который положил начало консолидации предков современных тувинцев вплоть до их формирования в единый этнос. Работа базируется на сравнительно-историческом анализе разнообразных источников — письменных, археологических, этнографических, антропологических. Важно отметить, что существенной основой для его исследований явились материалы собственных полевых работ. М.Х.Маннай-оол на протяжении длительного времени (с 1960 по 1985 гг.) являлся руководителем археологической экспедиции Тувинского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ).

В названной работе, автором, в частности, обоснован вывод о том, что исконное этническое ядро тувинцев составили тюркоязычные племена, жившие в Туве и проникавшие на ее территорию со II в. до н. э. по XII в. н. э. Исследуя письменные источники, автор заключает, что этноним «дубо», зафиксированный китайскими летописями VI—VIII вв. как общее наименование складывающегося тувинского этноса, получило распространение со второй половины XVII в. (там же: 142).

Говоря о советских исследователях, в трудах которых нашли отражение те или иные аспекты этнической истории Тувы, следует особо сказать о ленинградском этнографе Е. Д. Прокофьевой. Как пишут о ней современ-

ные коллеги, забытый исследователь Тувы (Кисель, 2012: электр. ресурс). Нам бы хотелось к этим словам добавить — «незаслуженно забытый»... Ее монография «Процесс национальной консолидации тувинцев» была написана в 1957 г. и издана лишь в 2011 г. в серии «Кунсткамера — Архив» (Прокофьева, 2011). Представляя эту работу, Е. А. Резван справедливо отмечает, что это «... во многом пионерский для своего времени труд» (там же: 7). Основу данной работы составили богатейшие эмпирические материалы, собранные Е. Д. Прокофьевой во время Саяно-Алтайской экспедиции, тувинский отряд которой она возглавляла в течение трех полевых сезонов — 1952, 1953, 1955 гг. В ходе исследования различных аспектов этнической консолидации тувинцев, автор заключает, что «характерным для этого процесса являлось наличие нескольких центров, где слагалась этническая общность племен, составлявших современный тувинский народ. Таким очагами были западные районы Тувы, где создававшиеся племенные союзы имели тесные связи с племенами Алтая и западного угла Северо-Западной Монголии; северо-восточные территории Тувы, где племена, населявшие Туву, были тесно связаны с населением северных склонов Саян, Прикосоголья, Минусинской котловины; южным центром была территория хребта и отрогов Танну-ола, где в основном племена Тувы входили в сношения с племенами степной Монголии (Восточной)» (там же: 424). Важно также отметить, что в названной работе наряду с основной темой исследования рассмотрен обширный круг проблем, касающихся материальной и духовной культуры тувинцев, многие из которых на тот период были слабо изучены.

Значительный вклад в палеоантропологическое изучение Тувы внесли известные советские антропологи Г. Ф. Дебец, В. П. Алексеев, И.И. Гохман и др. Как показывают их исследования, начиная с эпохи бронзы и вплоть до хуннского времени (II в. до н.э. — I в. н.э.) в Туве проживало в основном население древнего европеоидного типа. Примесь монголоидных черт у населения Тувы усиливается к концу I тыс. н.э. Дальнейшее увеличение доли монголоидного компонента у местных племен происходит в древнетюркское время (VI–VIII вв.) и последующие эпохи вплоть до конца первой половины II тыс. н.э. По мнению палеоантрополога И.И.Гохмана, полученные ими в ходе экспедиции материалы с территории Алтае-Саянского нагорья, Бурятии и Западной Монголии доказали наличие древнего европеоидного компонента в составе не только южно-сибирского, но и центральноазиатского типа (Гохман, 1980).

Что касается антропологического типа современных тувинцев, то ан-

трополог В. И. Богданова в результате своих исследований, проведенных в Туве в 1972–1976 гг., приходит к заключению, что тувинцы неоднородны по своему антропологическому составу и в их формировании приняли участие различные компоненты (Богданова, 1979: 23). Неоднородность антропологического состава тувинцев определяется выделениями типов как с резко выраженными монголоидными чертами, так и с ослаблением выраженности монголоидных особенностей по целому ряду антропологических признаков и дерматологии (Хить, 1979: 18). Помимо классического описания физической внешности мужчин и женщин В. И. Богданова собрала материалы по дерматоглифике, одонтологии, группам крови; в сравнительном анализе перенесла акцент на внутриэтническую дифференциацию тувинцев и широкие межгрупповые сопоставления. В результате ею установлено, что своеобразие комплексной антропологической характеристики тувинцев при межэтническом сравнении. Они сочетают черты сходства с казахами, киргизами, алтайцами, с одной стороны, и с монголами и якутами, с другой. Европеоидные черты в расовом типе тувинцев Юго-западной Тувы сохранились у более древнего местного населения (Тюркские народы Восточной Сибири, 2008: 12).

Большое значение при изучении этногенеза и этнической истории тувинцев имеют исследования по топонимике и этнонимике тувинцев. Они нашли свое отражение в работах вышеназванных авторов — Г.Е.Грумм-Гржимайло, В. И. Дулова, С. И. Вайнштейна, Л. П. Потапова, Е. Д. Прокофьевой, М. Х. Маннай-оола.

Говоря о работах современной историографии Тувы, где так или иначе освещались вопросы этногенеза, прежде всего, назовем переработанное и существенно дополненное издание первого тома «Истории Тувы» под редакцией С. И. Вайнштейна и М. Х. Маннай-оола, охватывающую многовековую историю региона от каменного века до начала XX столетия (История Тувы, 2001). Следует также отметить коллективную монографию «Тюркские народы Восточной Сибири», в которой значительное место, наряду с освещением основных этапов этнической истории Тувы, уделено непосредственно истории этнографического изучения тувинцев, включая проблему их этногенеза (Тюркские народы Восточной Сибири, 2008: 21–42).

Таки образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что изучению этногенеза и этнической истории тувинцев посвящена довольно обширная литература. И, как мы видим, в разработку этой проблемы в должной мере существенный вклад внесли как дореволюционные иссле-

дователи, так и ученые советского и постсоветского периода (см. также: Ламажаа, 2010: электр. ресурс). При этом следует особо подчеркнуть, что, в отличие от истории этногенеза многих других народов, специалисты практически единодушно признавали важную роль и существенное преобладание в этногенезе тувинцев именно тюркского компонента. Вместе с тем, исходя из рассмотренной нами литературы, можно констатировать, что процесс образования этнического ядра тувинцев был не только достаточно длительным и сложным, но и в его формировании на отдельных этапах приняли участие самые разные этнические группы.

Список литературы:

- Аристов, Н. А. (1896) Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. Год шестой. Вып. III–IV. С.277–456.
- Арутюнов, С. А. (2012) Силуэты этничности на цивилизационном фоне. М. : Инфра-М.
- Бичелдей, К. А. (2001) Звуковой строй диалектов тувинского языка. М.
- Богданова, В. И. (1979) Антропологический состав и вопросы происхождения современных тувинцев : автореф. дис. ... канд. ист. н. М.
- Вайнштейн, С. И. (1957) Очерк этногенеза тувинцев // Ученые записки ТНИИЯ-ЛИ. Вып. 5. С. 178–214.
- Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М. : Наука.
- Вайнштейн, С. И. (1970) Происхождение и историческая этнография тувинского народа : автореф. дис. ... д-ра ист. н. М.
- Вайнштейн, С. И. (1972) Историческая этнография тувинского народа. М. : Наука.
- Вайнштейн, С. И. (1980) Происхождение саянских оленеводов (проблема этногенеза тоджинцев и тофаларов // Этногенез народов Севера. С. 68–88.
- Вайнштейн, С. И. (1991) Мир кочевников Центра Азии. М. : Наука.
- Георги, И. Г. (1779) Описание всех в Российском государстве обитавших народов, а также их житейских обрядов, верований, обыкновений, жилищ, одежды. СПб. Ч. 1–3.
- Горошенко, К. (1901) Сойоты // Русский антропологический журнал. М. № 1.
- Гохман, И. И. (1980) Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Сборник МАЭ. Л. Т. 36. С. 5–34.
- Грум-Гржимайло, Г. Е. (1926) Западная Монголия и Урянхайский край. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Л. Т. 3. Вып. I.
- Дебец, Г. Ф. (1929) Краниологический очерк танну-тувинцев // Северная Азия. № 5–6. С. 32–37.
- Дебец, Г. Ф. (1960) Антропологические типы. Народы Кавказа. М. Т. I.
- Дулов, В. И. (1956) Социально-экономическая история Тувы (XIX — начало XXв.). М. : АН СССР.
- История Тувы (1964). М. : Наука. Т. I.
- История Тувы (2001). Новосибирск : Наука. Т. 1.

История Тувы (2007). Новосибирск : Наука. Т. 2.

Каррутерс, Д. (1919) Неведомая Монголия. Урянхайский край. Пг. Т. I.

Кастрен, А. М. (1860) Магазин земледения и путешествий. Географический сборник. Собрание старых и новых путешествий. М. Т. 6, Ч. 2.

Катанов, Н. Ф. (1903) Опыт исследования урянхайского языка с указанием важнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань.

Кисель, В. А. (2012) Тува в судьбе этнографа Е. Д. Прокофьевой [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_14/4836-kisel.html (дата обращения: 09.06.2013 г.).

Кон, Ф. Я. (1934) За пятьдесят лет. Кн. III. Экспедиция в Сойотию. М.: Издательство Всероссийского общества политкаторжан и ссыльнопереселенцев.

Ламажаа, Ч. К. (2010) Тувиноведение: область знания и социальная миссия [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_8/2542-lamazhaa.html (дата обращения: 06.06.2013).

Левин, М. Г. (1952) К антропологии Южной Сибири. Предварительный отчет о работе антропологического отряда Саяно-Алтайской экспедиции // Краткие сообщения Института этнографии. М. Вып. 2. С. 17–26.

Маннай-оол, М. Х. (1970а) Об этническом составе населения Тувы (I тысячелетие н.э) // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. 14. С. 108–126.

Маннай-оол, М. Х. (1970б) К вопросу о тюркизации населения Гуны: Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. 14. С. 102–111.

Маннай-оол, М. Х. (1970в) Роль монголо-язычного компонента в этногенезе тувинцев // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. 14. С. 112–119.

Маннай-оол, М. Х., Татаринцев, Б. И. (1976) К вопросу об участии кетоязычного компонента в этногенезе тувинцев // Материалы Всесоюзной конференции. 35 июня 1976 г. Томск. С. 180–182.

Маннай-оол, М. Х. (1975) Исследования по этногенезу тувинцев // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. 17. С. 230–236.

Маннай-оол, М. Х. (2004) Тувинцы. Происхождение и формирование этноса. Новосибирск : Наука.

Муравьев, А. М. (1961) Вехи забытых лет. М. : Издательство географической литературы.

Народы Сибири (1956) / под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М. – Л. : Изд-во АН СССР.

Островских, П. Е. (1897) План поездки в страну сойотов // Известия РГО. Т. 33.

Островских, П. Е. (1898) Краткий отчет о поездке в Тоджинский хошун Урянхайской земли // Известия РГО. Т. 34. Вып. 4.

Островских, П. Е. (1899) Значение Урянхайской земли для Южной Сибири // Известия РГО. Т. 35. Вып. 3.

Паллас, П. С. (1788) Путешествие по различным провинциям Российского государства. СПб. Кн. 1. Ч. 3.

Потанин, Г. П. (1883) Очерки Северо-Западной Монголии. СПб.

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука.

Прокофьева, Е. Д. (2011) Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб. :

Кунсткамера.

Радлов, В. В. (1866) Образцы народной литературы тюркских племен. СПб. Ч. I.

Радлов, В. А. (1907) Образцы народной литературы тюркских племен. СПб. Ч. 9.

Реклю, Э. (1898) Земли и люди. Всеобщая география. СПб. Кн. 4. Т. 6, 7.

Савенков, И. Т. (1905) К вопросу об эволюции шахматной игры: Сравнительно-этнографический очерк // Этнографическое обозрение. № 1. С. 1–128.

Слинич, И. П. (1901) К краниологии сойот // Русский антропологический журнал. № I.

Социально-экономическое положение Республики Тыва за январь-декабрь 2011 г. (2012) / Материалы Федеральной службы государственной статистики. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва. Кызыл.

Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1899 год (1899). Томск.

Спасский, Гр. (1820) Изображение обитателей Сибири. СПб.

Тюркские народы Восточной Сибири (2008) / сост. Д. А. Функ; отв. ред.: Д. А. Функ, Н. А. Алексеев. М. : Наука.

Хить, Г. Л. (1979) Расогенетические связи населения Алтае-Саян по данным дерматоглифики // Материалы конференции «Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий». Омск.

Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. А. Ефрона (1900). СПб. Т. 30.

Яковлев, Е. К. (1900) Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела Музея. Минусинск.

Ярхо, А. И. (1929) Антропологический тип кемчикских танну-тувинцев // Северная Азия. № 5, 6. С. 127–131.

Дата поступления: 09.06.2013 г.

TUVAN'S GENESIS. HISTORICAL BACKGROUND

Z. V. Anayban, M. H. Mannay-ool

Abstract: Article presents a historicogeographical review of the scientific literature regarding the genesis and ethnic history of Tuvan people. Published works of Pre-Soviet, Soviet and Post-Soviet periods have been involved in the review.

Keywords: ethnogenesis, ethnics history, Tuva, Tuvans, Uriankhs, Soyots, tribe, Turkic group.